

Е. Н. Журавлев

СПЕЦСЛУЖБЫ ИСПАНСКОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДИВИЗИИ НА СОВЕТСКО- ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ (1942–1943)

Аннотация. В статье на основе рассекреченных архивных документов органов военной контрразведки периода Великой Отечественной войны рассматривается организационно-структурное построение и деятельность спецслужб дивизии испанских добровольцев (250 пехотной дивизии Вермахта) в период её нахождения на участке Ленинградского фронта в 1942–1943 гг. Проведенный в работе анализ структуры и деятельности спецслужб Испанской «Голубой дивизии» позволил выявить основные направления, методы и специфику их оперативной деятельности, а также раскрыть механизм принятия ключевых решений и взаимодействия сотрудников спецслужбы, отвечающих за организацию деятельности как на дивизионном, так и на полковом и батальонном уровнях. В работе сделаны выводы о причинах низкой эффективности службы и неспособности противостоять действиям советской военной контрразведки.

Ключевые слова: Испанская добровольческая дивизия, «Голубая дивизия», 250 пехотная дивизия, служба внутренней разведки, 2-бис, советская военная контрразведка

Для цитирования: Журавлев Е. Н. Спецслужбы Испанской добровольческой дивизии на Советско-Германском фронте (1942–1943) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 425–433. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).425-433

В период Великой Отечественной войны существенную поддержку как в политическом, экономическом, так и в военном отношении фашистской Германии оказывали её союзники, а также франкистская Испания.

Кроме стран-союзниц Германии по антикоминтерновскому пакту (Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии), чьи армии принимали участие в боевых действиях на Восточном фронте самостоятельно, страны, которые воздержались от участия в войне против СССР или остались нейтральными, направляли на Восточный фронт части, состоящие из добровольцев (нем. *freiwillige*). Эти части включались в состав соединений Вермахта. Одной из таких частей стала Испанская добровольческая дивизия. Об истории, составе, боевых действиях т.н. «Голубой дивизии» повествуют труды многих исследователей: [С. П. Пожарская, 1969] [С. И. Дробязко, О. В. Романько, К. К. Семёнов, 2011], [Б. Н. Ковалев, 2004, 2014, 2020], [А. В. Елпатьевский, 2015].

Однако такой аспект, как деятельность и разведывательных (речь не о войсковой разведке) и контрразведывательных органов Испанской добровольческой дивизии не получил освещения в научной литературе. Это объясняется, безусловно, спецификой вопроса, а также узостью источниковой базы по причине закрытости до недавнего времени архивов органов советской военной контрразведки, противостоявших спецслужбам фашистской Германии и их союзников.

Основным источником при подготовке данной статьи послужили рассекреченные архивные документы органов военной контрразведки Ленинградского фронта за 1942–1943 гг., а также трофейные документы.

Испанская добровольческая дивизия, так называемая «Голубая дивизия» (исп. *Division Azul*), была сформирована из добровольцев, в большинстве своем воевавших

на стороне франкистского режима в гражданской войне в Испании. 13 июля 1941 г. дивизия отбыла из Мадрида в Германию, где была включена в состав Вермахта как 250-я пехотная дивизия. В 20-х числах августа дивизию направили к границам СССР. 4 октября 1941 г. «Голубая дивизия» прибыла в район Новгорода, где была включена в состав немецкой 16-й армии (группа армий «Север»). С октября 1941 г. до августа 1942 г. дивизия занимала позиции севернее и южнее Новгорода по р. Волхов и оз. Ильмень [Дробязко, Романько, Семенов, 2011, с. 114]. Затем дивизию перебазировали под Ленинград, где в составе 38-го армейского корпуса она заняла позиции в районе реки Ижора (г. Пушкин, Колпино, Красный Бор) [Дробязко, Романько, Семенов, 2011, с. 115]. По другую сторону линии фронта оборону держали части 55 армии Ленинградского фронта.

Как и в регулярной армии Испании, в добровольческой дивизии вопросы разведки и контрразведки находились в ведении 2-го отдела штаба соединения, который согласовывал свою работу с отделом 1-Ц штаба 38-го корпуса Вермахта. 2-й отдел штаба «Голубой дивизии» курировал организацию войсковой разведки; разведывательную и контрразведывательную работу в тылу советских войск; борьбу со шпионажем, саботажем, диверсиями и террором; борьбу с партизанским движением; фильтрацию военнопленных, перебежчиков и подозрительных лиц, задержанных в зоне расположения дивизии; ведение следствия по преступлениям, угрожающим государственной безопасности и боеспособности части; розыск дезертиров; контроль и наблюдение за гражданским населением, проживающим в зоне дислокации дивизии; руководство и наблюдение за деятельностью комендатур и полевой жандармерии; руководство работой офицеров второго отдела в полках [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 46].

По данным перебежчиков, войсковую разведку вело подчиненное штабу дивизии подразделение, сформированное по штатам батальона [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 15]. При штабах полков имелся офицер, осуществлявший разведывательную и контрразведывательную работу в тесном взаимодействии с комендатурой района расположения своего полка. В его обязанности входило агентурное наблюдение за местным населением, первичные опросы военнопленных и перебежчиков, организация заградительной службы, оперативное сопровождение уголовных дел, в том числе по политическим преступлениям. Общее руководство указанной работой осуществлял командир дивизии, от имени которого исходили соответствующие приказы и инструкции. Командир дивизии в свою очередь получал инструктивные документы из отдела 1-Ц штаба корпуса. В качестве основных источников информации о противнике сотрудники второго отдела штаба дивизии использовали показания военнопленных, перебежчиков и задержанных, подозреваемых в работе на советскую разведку [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 53].

Хотя Испанская добровольческая дивизия формировалась под эгидой испанской фаланги, в её ряды попало значительное количество лиц, оппозиционно настроенных к франкистскому режиму – бывшие республиканцы, члены коммунистической, социалистической и анархической партий Испании, бывшие члены Объединенного союза социалистической молодежи, не желающие воевать за интересы фашизма, родственники репрессированных за участие в республиканском движении. В дивизии

также оказалась достаточно много авантюристических элементов без каких-либо политических убеждений.

В 1942 г. участились случаи перехода испанцев на сторону Красной армии, дезертирства, членовредительства, невыполнения приказов командования [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 47]. В этих условиях в июне 1942 г. командир 250 пехотной дивизии принял решение о создании Службы внутренней информации (исп. Servicio informacion interna), которая структурно вошла в штат 2-го отдела штаба дивизии как отдел 2-bis [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 75].

Служба создавалась с целью охраны дивизии от проникновения шпионов, диверсантов и террористов, а также защиты от внешних влияний, снижающих моральное состояние и боеспособность части. Её задачами являлись: внедрение агентуры в среду военнослужащих дивизии; выявление в дивизии лиц, настроенных враждебно к франкистскому режиму, проводивших организованную враждебную деятельность против немецкой армии, имеющих намерение перейти на сторону Красной армии, саботажников, а также, в содействии с военными комендантами населенных пунктов, агентурное изучение русского населения, имеющего контакты с военнослужащими дивизии; розыск дезертиров; расследование политических преступлений; обеспечение защиты дивизии от внешних воздействий, снижающих её боеспособность [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 82].

Документы, исходящие из отдела, подписывал от имени командира дивизии начальник штаба, который курировал это направление работы, в деятельность этой структуры были посвящены все командиры подразделений дивизии (полков, батальонов, рот). В каждом полку и батальоне имелся офицер – представитель отдела 2-бис, обеспечивавший контрразведывательное обеспечение части. Официально им являлся адъютант полка или батальона. Он осуществлял насаждение агентуры среди военнослужащих и руководил ею [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 47]. В ротах оперативной работой руководил командир роты или назначенный им унтер-офицер, который имел на связи 3-4 и больше информаторов из числа солдат с таким расчетом, чтобы в каждом взводе был один информатор [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 48]. Таким образом, он являлся резидентом в роте, получавшим инструкции от адъютанта или командира батальона, и руководившим работой своих информаторов.

Еженедельно ротный сотрудник службы внутренней информации должен был в письменной форме информировать адъютанта командира батальона о политических настроениях личного состава роты. На каждого солдата заполнялась анкета, на весь личный рядовой состав роты была создана картотека, где учитывались анкетные данные солдат и отражались их политические настроения, согласно донесениям информаторов. Специального учета нежелательных лиц не было. Все учетные данные на личный состав роты, в том числе и учет настроений солдат, сосредоточивался в общей картотеке.

Адъютант батальона имел в каждой роте агентуру, находящуюся у него на личной связи. Задача этой агентуры – контролировать ротную агентуру и проверять получаемые от неё сведения. Весь агентурный материал, собранный в ротах, должен был сдаваться адъютанту батальона. Командир полка и его адъютант имели в своем

распоряжении группу специально подобранных информаторов, наблюдающих за поведением военнослужащих вне своего полка, в местах соприкосновения с солдатами других полков или с гражданским населением [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 48].

Однако, несмотря на декларируемый инструкциями конспиративный характер этой службы, реальное положение не соответствовало этому. Осведомители зачастую сами раскрывали свою принадлежность к агентуре Службы внутренней информации.

Это подтверждается показаниями перебежчика капрала 269 пп 250 пд Сезара Астора Беторет (бывший лейтенант, командир роты республиканской армии, член Союза молодежи), который в протоколе допроса от 29 марта 1943 г. о службе внутренней информации показал следующее: «Согласно инструкции, в каждом взводе должно быть по одному секретному информатору, который назначается командиром роты из числа солдат. У секретных информаторов не спрашивается их согласие сотрудничать со службой внутренней информации, сотрудничество их в письменной форме не оформляется, кличка им не дается, донесения принимаются в устной форме. Графика встреч с информаторами не имеется, встречи происходят в удобный момент в конспиративной форме» [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 22].

По заявлению перебежчика, служба внутренней информации в испанской дивизии не была связана с какими-либо аналогичными органами в немецкой армии. Офицерский состав, которому было поручена эта работа в батальонах и полках, работал с неохотой, рядовые информаторы относились к ней недобросовестно [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 22].

Кроме того, Сезар Астор Беторет показал: «За все время моей работы в качестве организатора службы внутренней информации информаторы взводов два раза делали мне сообщения, оба раза в устной форме. С информаторами я встречался иногда два раза в неделю, иногда я не видел их подолгу, встречи происходили конспиративно, хотя в роте я был почти расконспирирован, благодаря тому, что составлял анкеты на солдат, о чем все знали. Встречи с информаторами я специально не назначал, а встречался тогда, когда носил донесения во взвод» [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 21].

Стоит отметить, как был организован учет результативности работы агентов. Для этого была разработана система квалификационных оценок по десятибалльной шкале. При выставлении оценок учитывались следующие аспекты: сообразительность агента, опасность, трудность, изобретательность, проявленная агентом для получения сведений, а также важность сообщенного факта.

Плохая оценка выставлялась, если сообщение не содержало фактов, имен, дат и т.д., или касалось только слухов. Средняя оценка выставлялась, если сообщения содержали только жалобы на офицеров или факты обыденного значения. Хорошая оценка выставлялась, если были сообщены факты, «обнаруживающие нечто известной важности». Очень хорошая оценка выставлялась, когда кроме большого значения сведений, их получение было трудным или сопряжено с опасностями. Превосходная оценка выставлялась, если агент сообщил о сенсационном факте [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 93].

Одной из задач Службы внутренней информации было агентурное изучение русского населения, имеющего контакты с военнослужащими дивизии. Из

захваченных документов испанской дивизии можно заключить, что первое время наша агентура не вызывала подозрений в причастности к советской разведке, задерживалась и направлялась в распоряжение военной комендатуры в числе других лиц, перешедших линию фронта. Испанское командование полностью доверяло ее показаниям и информировало подчиненные органы о данных, полученных на допросах, как о существующих фактах. Так, в информационной справке от 5 июля 1942 г. о шпионаже, направленной в подчиненные службы испанской дивизии, изложены добытые сведения об использовании русскими «новых диверсионных средств» – карандашей со взрывчатым веществом, портсигаров, взрывающихся при открывании, карманных часов, взрывающихся при заводе и искусственных жаб, взрывающихся при нажатии на них [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 73].

Однако после ряда задержаний противник выявил шаблон в легендировании обстоятельств перехода линии фронта, о чём свидетельствуют захваченные документы. В большинстве случаев агенты разведотдела штаба 55 армии снабжались одной и той же легендой – репрессии со стороны советских органов, происхождение из враждебной среды и недовольство советской властью.

Эта шаблонность давала повод подозревать задержанных в принадлежности к агентуре советской разведки. После «соответственной», как указано в документе, формы допроса задержанный давал показания о задании, которое он получил, лицах, которые давали ему это задание, о вербовочных пунктах, обстоятельствах вербовки, подготовке и заброске [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 53]. Таким образом, путем сопоставления показаний отдельных задержанных, испанской спецслужбой был выявлен один из каналов проникновения агентуры советской военной разведки в немецкий тыл. Контрразведывательным органам противника удалось сделать ряд верных выводов, установить места заброски и выработать ряд контрмер, затрудняющих действия нашей агентуры.

Указанные контрмеры изложены в общих инструкциях № 2011 от 2 декабря 1941 г. и № 2014 от 5 января 1942 г. Первая инструкция всё внимание сосредотачивала на контроле за гражданскими лицами и делила гражданское население оккупированных районов на 3 группы: лица, не вызывающие подозрений; подозрительные лица; лица, ведущие какую-либо деятельность против германской армии [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 76].

К первой группе относились лица, обладавшие документами на право проживания на оккупированной территории или передвижения по ней. Лица, относившиеся ко второй группе, должны были находиться под постоянным наблюдением местных властей и Службы внутренней информации, в случае их переезда сведения о них передавались по новому месту жительства. К третьей группе должны были незамедлительно приниматься меры по пресечению их враждебной деятельности.

Согласно инструкции № 2014 от 5 января 1942 г., все лица, пришедшие с территории, занятой частями Красной армии, должны были рассматриваться как потенциальные шпионы, задерживаться и направляться во 2-й отдел штаба дивизии, где имелись квалифицированные переводчики, главным образом из числа белоэмигрантов. Отделу 2-бис стало известно, что советские разведорганы ориентировали свою агентуру на трудоустройство при воинских частях немецкой

армии, поэтому был наложен запрет на приём на работу русских пленных и лиц из числа гражданского населения без разрешения начальника штаба дивизии [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 78].

Испанским спецслужбам было также известно о том, что связи военнослужащих дивизии с гражданским населением являлись каналом проникновения советской агентуры в войска противника. Об этом свидетельствуют трофейные документы. Так, в отношении № 703 от 22 февраля 1943 г. отмечалось, что гражданское население часто знает ежедневный пароль по дивизии, так как оно имеет доступ к военным и близко с ними общается. В отношении № 966 от 25 мая 1942 г. говорится, что использование большого количества русского гражданского населения на различных работах при частях дивизии способствует проникновению шпионов в части дивизии [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 29–30].

Таким образом, указанные документы рассматривали гражданское население оккупированных областей СССР как благоприятную среду для работы и маскировки советской агентуры. В связи с этим гражданское население находилось под постоянным контролем контрразведывательных органов противника, стремившихся локализовать действия нашей агентуры.

Анализом захваченных и доставленных перебежчиками штабных документов испанской добровольческой дивизии советскими органами военной контрразведки не было установлено, занимались ли испанские спецслужбы подготовкой и переброской своей разведывательной и контрразведывательной агентуры в наш тыл. Однако последующие события показали, что спецслужбы испанской дивизии планировали и осуществляли такие мероприятия.

В середине декабря 1942 г. на сторону Красной армии перешел унтер-офицер 263 пехотного полка 250 пехотной дивизии Эмилио Матиас Мартин. На допросе он заявил, что перешел добровольно, так как испытывал симпатию к СССР и ненависть к франкистскому режиму. В дальнейшем унтер-офицер сознался, что заброшен к нам по заданию немецких разведорганов, был завербован в 1941 г. во время пребывания в Германии. По прибытии в дивизию был передан на связь офицеру Риполь. В его подготовке принимал участие немецкий офицер Герман Герлиц.

17 июля 1943 г. на нашу сторону перешел солдат 269 пехотного полка 250 пехотной дивизии Эстебан Рамирес Перса. В процессе работы с ним он сознался, что является агентом испанской секретной службы и переброшен для ведения шпионской деятельности в нашем тылу. Был завербован в октябре 1942 г. при зачислении на службу и передан на связь лейтенанту Пулидо, руководящему секретной службой в 269 пехотном полку, который подготовил его к переброске с легендой бывшего капитана республиканской армии и заданием связаться с ранее переброшенным Хулио Хименесом Гомесом и выполнить общую задачу по получению сведений о частях Красной армии, их численном составе, моральном состоянии, вооружении, питании, о расположении оборонительных сооружений, а также по добыванию штабных документов (карт, бланков и пр.), а также находясь вместе с военнопленными испанцами, поддерживать в их среде надежду на освобождение при наступлении немецкой армии, следить за поведением перебежчиков [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 103].

1 августа 1943 г. на сторону частей Красной армии перешел солдат 263 пехотного полка 250 пехотной дивизии Антонио Альгава Молеро, бывший военнослужащий республиканской армии, который показал, что также подготовлен к переброске сотрудником испанской спецслужбы капитаном Пулидо.

Во всех случаях вербовку испанских солдат для заброски в тыл Красной армии и их подготовку вели офицеры Абвера. В дальнейшем агенты передавались на связь сотрудникам отдела 2-бис и задачи получали уже от них.

При этом сотрудники отдела 2-бис допускали серьезные ошибки. Задания агентам ставились разноплановые и без учета конкретных возможностей их выполнения. Остается также не выясненным, каким образом должна была осуществляться связь с агентами и их возвращение после выполнения разведывательных заданий. Возможно, подразумевалась попытка подставить агента под перевербовку советской военной контрразведкой.

Попытки внедрения испанской агентуры в тыл Красной армии не достигли результата. Все переброшенные на нашу сторону агенты противника из числа солдат дивизии были разоблачены советской военной контрразведкой. Вербовка агентуры среди советских военнопленных, содержащихся в лагере военнопленных в пос. Красный Бор, который контролировался как немецкой, так и испанской стороной, осуществлялась только офицерами Абвера, сотрудники отдела 2-бис штаба 250 пехотной дивизии к этой работе не допускались. Примеров вербовки отделом 2 бис агентуры для переброски в тыл Красной армии среди советских граждан, проживавших в районе расположения частей дивизии, также не было установлено.

Несмотря на мероприятия по поддержанию боевого духа испанских солдат, которые проводило командование, политико-моральное состояние испанской дивизии продолжало ухудшаться. На его уровень влияли следующие моменты: ухудшение питания, рукоприкладство офицеров, антагонизм между немецкими и испанскими военнослужащими, сообщения о поражениях Германской армии на Восточном фронте и в Африке, усталость от войны и разочарованность ею. Советские листовки и радиопередачи на испанском языке, организованные политуправлением 55 армии также влияли на понижение боеспособности частей дивизии [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 59].

В результате наступления, начатого 10 февраля 1943 г. частями Ленинградского фронта 250 пехотная дивизия понесла большие потери. В ходе Красноборской наступательной операции частей Красной армии оборона противника была прорвана, войска 55 армии продвинулись на 6 км. Потери испанцев составили более 2 тыс. человек убитыми и ранеными.

Боеспособность частей Испанской добровольческой дивизии упала, были отмечены случаи массовой сдачи в плен. Так, во второй линии обороны испанской дивизии в районе пос. Красный Бор находился 250 подвижной батальон резерва. Когда линия обороны была прорвана, солдаты батальона начали сдаваться в плен. Заслуживает также внимания сдача в плен 5 роты 2 батальона 262 пехотного полка испанской дивизии во главе со своим командиром капитаном Теодоро Паласиос Куэто. 10 февраля 1943 г. рота, попав в окружение, не оказав почти никакого сопротивления, сдалась в плен [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 13]. Капитан Куэто доставил советским контрразведчикам большое количество скопированных им штабных документов, в том числе о работе Службы внутренней информации.

Вскоре основательно потрепанная в боях испанская дивизия была выведена с фронта. Последний бой частей 250 пехотной дивизии состоялся 4 октября 1943 г.

Изменения, произошедшие во внешней политике правительства Франко, сделали невозможным дальнейшее пребывание дивизии на Советско-Германском фронте. Представители США и Великобритании в Испании усилили давление на Франко и потребовали немедленного отзыва испанской дивизии. 20 октября 1943 г. Франко принял решение о выводе «Голубой дивизии» с фронта и расформировании соединения [Дробязко, Романько, Семенов, 2011, с. 116].

Сформированная с целью сохранения боеспособности дивизии Служба внутренней информации не смогла обеспечить выполнение возложенных на неё задач. Низкая эффективность её работы безусловно зависела от того, что у вновь образованной службы практически отсутствовал опыт контрразведывательной деятельности, который она не смогла приобрести за краткий период своего существования. Однако основными причинами неэффективности контрразведывательной службы были основы её построения и организации оперативной деятельности.

Отсутствие специально выделенных офицеров контрразведки, имевших даже минимальную профессиональную подготовку, возложение задач контрразведывательной деятельности на армейских офицеров, не снимая с них основной обязанности – командования частями, сказались на результатах деятельности спецслужбы. Принципы построения агентурной сети, фактическое назначение агентов приводило к их расконспирации, и как следствие, к отсутствию результатов их работы.

На основе исследованных архивных документов можно констатировать, что спецслужбы Испанской добровольческой дивизии имели собственный, отличный от спецслужб Германии и стран-союзниц принцип построения деятельности, но оказались не способными противостоять советской военной контрразведке.

Литература

- АУФСБОО (б.д.). *Архив УФСБ России по Омской области*. Ф. 78. Оп. 1. Д. 21.
Дробязко С. И., Романько О. В., Семенов К. К. (2011). *Иностранные формирования Третьего рейха*. М.
Елпатьевский А. В. (2015). *Голубая Дивизия, военнопленные и интернированные испанцы в СССР*. СПб.
Ковалёв Б. Н. (2014). *Добровольцы на чужой войне: очерки истории Голубой дивизии*. Великий Новгород.
Ковалев Б.Н. (2020). *Испанская дивизия – союзник Третьего рейха, 1941–1945 гг.* СПб.
Ковалёв Б. Н. (2004). *Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М.*
Пожарская С. П. (1969). Испанская «Голубая дивизия» на Советско-Германском фронте (1941–1943 гг.). *Вопросы истории*, 8, Август, 107–126.

References

- AUFSSBOO (n.d.). *Arkhir UFSB Rossii po Omskoy oblasti* [Archive of the Federal Security Service of Russia for the Omsk Region]. F. 78. Op. 1. D. 21.
Drobyazko S. I., Roman'ko O. V., Semenov K. K. (2011). *Inostrannye formirovaniya Tret'ego reykh* [Foreign formations of the Third Reich]. Moscow.
Elpat'evskiy A. V. (2015). *Golubaya Diviziya, voennoplennyye i internirovannyye ispantsy v SSSR* [Blue Division, prisoners of war and interned Spaniards in the USSR]. St. Petersburg.

- Kovalev B. N. (2014). *Dobrovol'tsy na chuzhoy voyne: ocherki istorii Goluboy divizii* [Volunteers in someone else's war: essays on the history of the Blue Division]. Velikiy Novgorod.
- Kovalev B.N. (2020). *Ispanskaya diviziya – soyuznik Tret'ego reykh, 1941–1945 gg.* [Spanish division – ally of the Third Reich, 1941–1945]. St. Petersburg.
- Kovalev B. N. (2004). *Natsistskaya okkupatsiya i kollaboratsionizm v Rossii. 1941–1944* [Nazi occupation and collaboration in Russia]. Moscow.
- Pozharskaya S. P. (1969). *Ispanskaya “Golubaya diviziya” na Sovetsko-Germanskom fronte (1941–1943 gg.)* [Spanish “Blue Division” on the Soviet-German Front]. *Voprosy istorii*, 8, August, 107–126.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.07.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторе

Сведения об авторе. Евгений Николаевич Журавлёв – историк спецслужб, член Общества изучения отечественных спецслужб; ORCID: 0009-0007-3644-6003; ezhuravlev@mail.ru

E. N. Zhuravlev

SPECIAL SERVICES OF THE SPANISH VOLUNTEER DIVISION ON THE SOVIET-GERMAN FRONT (1942–1943)

Abstract. Based on declassified archival documents of the military counterintelligence during the Great Patriotic War, the article discusses the organizational structure and activities of the special services of the Spanish Volunteer Division (250 Wehrmacht Infantry Division) during its stay on the Leningrad Front in 1942–1943. The analysis of the structure and activities of the special services of the Spanish “Blue Division” was carried out in the work. It made it possible to identify the main directions, methods and specifics of their operational activities, as well as to reveal the mechanism of interaction between employees of the special services responsible for organizing activities both at the divisional, and at the regimental and battalion levels. The article traces the mechanism for making key decisions. The paper draws conclusions about the reasons for the low efficiency of the service and the inability to resist the actions of the Soviet military counterintelligence.

Keywords: Spanish Volunteer Division, “Blue Division”, 250 Infantry Division, Internal Intelligence Service, 2 bis, Soviet military counterintelligence

For citation: Zhuravlev E. N. (2023). Special services of the Spanish Volunteer Division on the Soviet-German front (1942–1943). *Memoirs of NovSU*, 5(50), 425–433. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).425-433